

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРГ
**ПАРЯЩАЯ ДЛЯ
ДРАКОНА**

18+

КНИГАТРЕТЬЯ

Марина Эльденберт

Парящая для дракона.

Обрести крылья

<https://litres.ru/74419693>

SelfPub; 2026

Аннотация

Политический брак — совсем не то, о чем я мечтала. Леды Ферверна безжалостны, точно так же, как сердце мужчины, которому я отдала свое. За его спиной раскроются крылья власти, за моей — крылья любви. И лед растает, а пламя замерзнет, когда я расскажу миру свою историю. Ради крохи, для которой живу. Ради той, за кого умру и воскресну.

ФИНАЛЬНАЯ КНИГА СЕРИИ ПАРЯЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Г	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Парящая для дракона. Обрести крылья

Глава 1

Мне кажется, что кто-то изобрел машину времени или просто с помощью какой-то неведомой силы закинул меня в прошлое. В ту самую минуту, когда я ждала его в своей спальне после случившегося в ресторане, ждала, чтобы с ним поговорить, чтобы сказать ему все, что горело внутри. Чтобы извиниться. Ситуация повторяется почти с точностью до ощущений, но эти ощущения — всего лишь отголоски того, чему не суждено сбыться. Я сейчас не дома, у меня и дома-то нет. На мне — больничная рубашка, и я не так давно рассказала всему миру, как убегала от отца своего ребенка, который сейчас стоит передо мной. Но что самое главное, я не испытываю по этому поводу ни малейшего чувства вины, и будь у меня выбор, я поступила бы в точности так же.

Возможно, именно поэтому моими первыми словами становятся именно эти:

— Я буду с тобой говорить только в присутствии своего брата.

Кажется, не такого он ожидал. Или ожидал, но чего-то совершенно иного, потому что в его представлении Лаура

должна бежать, поджав хвост, или дрожать от одного взгляда на великого и могучего. Ну как минимум от страха за свою семью, из разряда «не впутывать сюда своего брата, своих друзей и так далее». Но я уже их впутала — попросту тем, что родилась, что была с ними связана по рождению или по знакомству, как с Рин и Сэфлом. Уверена, Сэфл не просто так стал начальником службы безопасности. Он им стал, потому что он был моим лучшим другом. А Торну нужны все инструменты, чтобы разрушить мою жизнь.

— Ты будешь говорить со мной здесь и сейчас, Лаура, — произносит он.

Странно, что палата не покрылась льдом изнутри, и не осыпалась осколками прямо на нас.

Я улыбаюсь. Показываю на смартфон.

И отворачиваюсь.

Не так это и просто — выдерживать тяжесть его присутствия, особенно учитывая, что в глубине души (когда-то очень давно, безумно давно, видимо, в другой жизни) я надеялась на эту встречу. Надеялась, что она случится, и что она будет... не такой как сейчас. Но как говорится, что имеем, то имеем. Надо исходить из сложившихся обстоятельств, здесь и сейчас. На месте.

За спиной раздаются шаги, и я чувствую, что он приближается каждой клеточкой своего тела. Каждым вздохом, который, кажется, сейчас вырвется из моей груди облачком пара. От позорного бегства спасает только то, что бежать в

больничной рубашке не лучшая идея — это первое. И второе: я не хочу показывать ему свой страх. Я хочу, чтобы он ушел.

Что там случилось такого, что Халлоран вот так просто пустил его ко мне, я не знаю, но вероятно это было из разряда: «Заберите свою бомбу замедленного действия и деактивируйте ее в Ферверне». Что же, посмотрим, как у него это получится.

Теперь.

— Я говорил с твоим отцом.

Это звучит, по меньшей мере, неожиданно. Остановившись рядом со мной, Торн складывает руки на груди и смотрит в окно на раскинувшийся за ним Мэйстон. Меня должно волновать то, что он говорил с моим отцом? Точнее, с мужчиной, который меня называл своей дочерью? Не должно. Но оно волнует, и я больше чем уверена, что он это прекрасно знает. Да, он прекрасно знает на что, как и куда надавить, чтобы я немедленно пасанула.

Прости, Торн. Не в этот раз.

— Я попросила тебя уйти, — отвечаю я. — И если ты не оставишь меня в покое...

— Твоя мать жива.

Откат от этих слов такой мощный, что я чудом держусь на ногах. Лед прокатывается по позвоночнику, собираясь в кончиках пальцев — и снова растекаясь по телу морозным туманом, отпечатывающимся в сознании каждым словом, как

клеямом.

Твоя.

Мать.

Жива.

Эти раскаленные буквы проступают сквозь густую пелену ледяного дыхания, как неон сквозь густую метель.

Я не могу дышать, даже двигаться не могу, поэтому просто спрашиваю:

— Что?

Звучит очень тихо.

— Твоя мать жива, Лаура. В прошлом, когда твои родители переживали не лучшие времена, она согласилась принять участие в тестировании препарата. — Он поворачивается ко мне, я чувствую его взгляд, но по-прежнему смотрю на Мэйстон, словно каждое здание, каждый флайс и каждый неоновый щит в этом городе стали мощнейшим магнитом. — Это были закрытые исследования, за которые заплатили очень хорошо. Когда Оррис Хэдфенгер согласилась на эксперимент, она не знала о том, что беременна. Ты — часть этого эксперимента, Лаура. Я больше не уверен, что ты человек.

Мир, который я только что более-менее собрала, сейчас снова разлетается осколками. К счастью, это настолько стало привычным, что сейчас я уже не впадаю в простратию или не пытаюсь кричать о том, что он лжет. Я просто мысленно сопоставляю факты: пламя ребенка, прорывающееся

сквозь меня, которое мне удавалось контролировать. Невозможность отдать мне приказ. То, как сквозь харргалахт Бена прорывался ледяной огонь.

Пальцы сами собой тянутся к рубашке на груди, чтобы сгрести и смять ткань в том месте, где по-прежнему стоит метка истинного пламени, но я ее отдергиваю. Мне придется приложить все силы, чтобы не думать сейчас о маме и о том, что я только что узнала. Потому что даже после всего, что произошло, для меня это — слишком.

— Она... где она? — я все-таки поворачиваюсь к нему.

— Она в коме, Лаура. — Торн холодно смотрит на меня. — Пока неизвестно, где ее спрятали, но я ее найду и во всем разберусь. Сложно сказать, как будет развиваться твоя беременность, но в Ферверне, где собраны все знания по ледяному пламени от самых истоков, от перворожденного ирлхана, убережь тебя и твоего ребенка будет проще. Еще проще будет с информацией по твоей матери и экспериментам, которую в Аронгаре тебе передадут так, как будет выгодно им.

Можно подумать, ты свою выгоду упустишь, Торн Ландерстерг.

— Хочешь сделать мне предложение? — спрашиваю я. Звучит очень двусмысленно, особенно после всего, что между нами было, но мне сейчас не до подбора слов.

— Нет. Хочу, чтобы ты поехала со мной по своей воле.

— А если я откажусь?

Никогда не думала, что этот взгляд может стать еще хо-

лоднее.

— Значит, поедешь в капсуле гибернации. Что касается твоего заявления, каким бы ни был общественный резонанс, я не оставлю своего ребенка на волю случая. Час на сборы, Лаура. И лучше не трать его на запись очередной душещипательной истории, потому что никто не поверит матери, ставшей жизнь своего ребенка под угрозу.

Он развернулся и вышел до того, как я успела ответить.

Напоследок окатив холодом, на который что-то тонко отозвалось внутри.

Несколько минут я просто стояла, пытаясь это прочувствовать. Реакцию Льдинки на отца. Но то ли она была настолько мимолетной, что уловить ее невозможно, то ли я просто сама себе это придумала, потому что больше ничего не было. Никаких откликов. Никакого проявления пламени, что само по себе было несколько странно.

Хотя где я, и где странно?

Торн рассказал мне о том, что моя мать жива и находится в коме непонятно где. Мой отец при всем при этом женился и умудрялся рассказывать мне, что я стала причиной ее смерти. Словом, начиная с рождения все то, что для других характеризуется словом «странно» для меня было нормально. Нормально — отнять у меня и у Даргела мать, а потом жениться на Ингрид?! Нормально ни словом не обмолвиться, что женщина, которая мне подарила жизнь — жива? Сколько раз я смотрела на ее фото и думала о том, как все

могло бы быть!

На этой мысли я прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Не самая лучшая идея — думать об этом сейчас. Если я не хочу превратить частную клинику в ледяной грот, разумеется. Спасибо экспериментам.

— Лаура.

Да вы издеваетесь! Это закрытая территория или проходной двор?!

Я обернулась — на сей раз к Бену.

— Не помню, чтобы у нас была назначена встреча.

— Может, мы уже нормально поговорим?

— Зачем?

— Затем, что я знаю, к чему склоняется Халлоран.

Он приблизился, остановился напротив меня.

— Переговоры с Ландерстергом бессмысленны, и он считает, что в сложившихся обстоятельствах проще всего будет выдать тебя Ферверну.

— Это он тебе сообщил? Чтобы ты в срочном порядке побежал на мне жениться?

Бен, собиравшийся что-то сказать, осекся. Правда, потом все-таки произнес:

— Браво, Лаура. У тебя огромный потенциал.

— Мой потенциал стремительно вырос, когда я осознала, что каждый из тех, кто предлагает помощь, собирается использовать меня в своих целях.

Определенно, какая-то прелесть во всем случившемся

точно была. Если раньше, не так давно, мне было больно его видеть, сейчас — уже нет. Ледяное пламя, оказывается, может не только жечь, оно еще и отличный анестетик. И здорово помогает в ситуациях, когда нужно держать эмоции под контролем.

— Это было смело. То, что ты сделала.

Я пожала плечами. Не говорить же ему, что это был жест отчаяния. Хотя любой, кто мало-мальски разбирается в психологии, поймет, что это был жест отчаяния. Интересно, какой жест будет у меня следующим? После того, как я переоденусь в выданную мне одежду, чтобы меня выдали Ферверну (в гибернационной капсуле или без, перевязанную ленточкой).

— Хваленая защита Халлорана дала трещину, — сказала я. — Поэтому мне пришлось защищаться самой.

— Что он тебе предложил?

— Умереть.

Я все-таки отошла от окон, потому что в ином случае мне грозило врасти в пол и провести этот час в раздумьях о своей тяжелой ноше. Тяжкой, может стать, ноша и была, но я не собиралась об этом думать. Мне надо было думать о том, что я буду делать дальше. В Ферверне.

Где помимо Солливер Ригхарн еще и Арден под арестом, не считая Сэфла и Рин.

— Я рад, что ты не согласилась. — Бен подошел ко мне и сел рядом со мной на аэропостель. — Инсценировка смерти

— не самое удачное начало для новой жизни.

— Доверяю мнению профессионала.

Он поморщился.

— Лаура, я действительно сожалею. Когда я во все это ввязывался, даже не представлял, что ты станешь мне дорога. Насколько ты станешь мне дорога.

— Не надо, — я подняла руку. — Просто не надо, Бен. Давай оставим твои чувства, прошлые, настоящие и будущие, на другом плане. Иначе разговора у нас не получится. Я сейчас не то чтобы готова верить в любовь и во все хорошее.

— Ладно.

Вот и чудесно. Тем более что я все равно не представляла, о чем нам вообще говорить. Кроме как...

— Я так понимаю, что ты пришел снять харргалахт?

Бен нахмурился.

— Нет.

— Нет?

— Вообще-то, Лаура, я пришел сказать, что хочу поехать с тобой.

Видимо, молчала я слишком громко, потому что он тут же добавил:

— Тебе потребуется защита в Ферверне. Сейчас я единственный, кто сможет тебя сопровождать — потому что мы обручены.

Я покачала головой.

— Это тоже идея Халлорана?

— Моя, — Бен коснулся моего бедра. — Лаура, посмотри на меня. Несмотря на все масштабы власти Ландерстерга, тебе потребуется защита. Ото всех, кто будет не очень, или, говоря прямо, очень не рад твоему возвращению. Я буду рядом с тобой круглосуточно. Не отойду от тебя ни на шаг, и в силах Халлорана выдвинуть такое требование — после твоего выступления.

— Ты кое-что забыл, Бен. Тебя выслали из Ферверна.

Он усмехнулся.

— Ландерстерг считает себя единоличной властью Ферверна, но при всем при этом всегда существует возможность создать общественный резонанс. Да, он отец твоего ребенка и имеет такие же права на него, как и ты, особенно учитывая, что это — его первенец. Но он не имеет права разлучать тебя с будущим мужем, особенно в таких обстоятельствах.

— Давай я расскажу тебе, как все будет, Бен, — я раскрыла ладонь. — Даже если Халлоран сумеет продавить эту тему, в чем я сильно сомневаюсь, ты действительно сможешь поехать со мной. Но пресс-служба Торна очень быстро обыгрывает мое замужество таким образом, что, заполучив от него ребенка, я тут же прыгнула в постель к тебе. Это первое.

Я загнула палец.

— Из этой темы они выжмут все до последнего, до того, когда мои слова о любви ко Льдинке не будут иметь никакого значения. Потом, когда это случится, когда все поверят в то, что я — ветреная особа, которая решила сыграть на жало-

сти к детям, под эгидой сохранения опасной беременности меня посадят в какой-нибудь исследовательский центр, куда тебе совершенно точно не будет доступа — потому что это секретный объект Ферверна, а ты гражданин другой страны. Это второе.

Я загнула второй палец.

— Мне продолжать? Или ход моих мыслей тебе понятен? Странно, что все это тебе говорю я.

Он явно собирался возразить, но я подняла руку.

— Все кончено, Бен. Пора это признать. Теперь я сама за себя, и я благодарна тебе за информацию, которую ты мне дал. Все, чем ты можешь сейчас мне помочь — это максимально быстро и безболезненно снять харргалахт.

Я смотрю ему в глаза и вижу отражение себя. Такое бывает, если вглядываться в радужку, особенно в темную. Еще я вижу знакомые искры пламени, и на миг снова обжигает ставшим почти привычным для меня чувством — чувством бесконечной, безграничной неопределенности в отношении этого мужчины. Я так и не поняла, что испытываю к нему, и испытываю ли что-то вообще. Возможно, это к лучшему, потому что иначе было бы в разы больнее. Сейчас и тогда, когда я узнала правду.

— Ты правда этого хочешь?

Иногда меня пугает наше созвучие.

С Торном такого никогда не было. Было все: отчуждение, страсть, сначала осторожная, а потом изматывающая

любовь, но такого не было.

— Правда, Бен. Сними его. Сейчас.

Какое-то время он молчит, потом произносит:

— Тебе придется расстегнуть рубашку, Лаура.

На его лице сейчас отражается только бесконечная усталость, если и есть что-то еще, то это «что-то еще» запрятано гораздо глубже, чем у меня есть допуск. Не уверена, что этот допуск есть у него самого.

Я расстегиваю рубашку ровно настолько, чтобы был виден харргалахт. Приходится чуть потянуть ее в сторону, потому что если расстегивать дальше — это будет уже не совсем в тему, а так узор наполовину скрыт под тканью. В глазах Бена вспыхивают искры, на кончиках пальцев — пламя. Почему-то когда он касается кожи, оно почти не обжигает. Может, это теперь тоже моя особенность? Связанная с тем, во что меня превратили еще до рождения?

Уже в следующий момент я понимаю, что рано радовалась, потому что пламя «кусается». Оно не просто кусается, оно обжигает с такой силой, что слезы не наворачиваются на глаза исключительно потому, что они во мне закончились. Чтобы отвлечься, я смотрю, как пламя закручивается спиралями на его пальцах, по ощущениям, будто вытягивая себе подобное с моей кожи.

Возможно, так оно и есть.

Когда все заканчивается, Бен убирает руку, а я невольно смотрю на пылающую кожу у себя на груди. Ощущение по-

прежнему такое, как будто к ней приложили раскаленный металл.

— Скоро все пройдет.

— Я зн... — я обрываю себя на полуслове. — Спасибо.

Он качает головой.

— Тебе не за что меня благодарить.

Взгляд его тоже задерживается на покрасневшей коже над грудью, и я поспешно дергаю ткань туда, где ей самое место. Застегиваю рубашку на все пуговицы. Спрашивается, зачем, сейчас все равно переодеваться (разумеется, если я не выберу путешествие в медицинской капсуле).

— Я все равно поеду в Ферверн, Лаура.

— В Ферверн ты поедешь, только когда там сменится власть.

Я слышу этот голос, и по коже бежит мороз, а может быть, этот холод я чувствую раньше, чем слышу голос — в любом случае, они неделимы. В глазах Бена вспыхивает пламя, он поднимается. Я вскакиваю следом и натыкаюсь на драконий, страшнее ледяной волны, взгляд Торна.

Глава 2

*Я*от него так устала. От этого взгляда.

От его обладателя. От того, что он все портит — все, к чему прикасается. По крайней мере, в моей жизни так точно. Он умудрился изгадить самое светлое, что было в моей жизни — первые месяцы осознания того, что я стану матерью. Первый раз, когда я увидела Льдинку комочком плоти, пожалуй, не успел, но только потому, что его не было рядом. И после всего этого он опять приходит ко мне в палату и сверкает тут своими ледяными глазами.

Внутри поднимается такая злость, что впору звонить Танни Ладэ-Гранхарсен и интересоваться, не занят ли ее сын.

— У меня что-то с ощущением времени, или уже прошел час? — спрашиваю я.

Получается очень колко.

— В этот час не входили разговоры с ним.

— О, — я приподнимаю брови. — А может, перечислишь, что в него входило, Торн Ландерстерг? Два раза сходить в туалет, четыре посмотреть окно, дышать строго в установленном порядке и соблюдать сердцебиением согласно мировым нормативам?

Хорошо, что тут Бен, потому что иначе я бы уже чем-нибудь в него запустила. Капельницей, например, точнее, шта-

тивом под капельницу. А может быть, и чем-то еще. Ладони начинает привычно покалывать, поэтому я сжимаю и разжимаю пальцы.

— Выйди, — коротко командует он.

Разумеется, это относится к Бену, в глазах которого тут же вспыхивает знакомое пламя.

— Я, как бы это поточнее выразиться, Ландерстерг, не в пределах твоей юрисдикции.

— Это определенно плюс, ферн Эстфардхар. В любом случае я могу всегда запросить вас в качестве важного свидетеля, или, правильнее будет сказать, опасного подозреваемого? Который нарочно подвергал жизнь моего первенца опасности. Вряд ли вам понравится то, что за этим последует.

— А говорил, не пустишь меня в Ферверн. — Бен усмехается и делает шаг вперед.

Хрусть!

Ну что я могу сказать... я в него все-таки кое-чем запустила. Точнее, не в него, а между ними, и теперь смотрела на ледяной островок, с шипением расплзающийся на полу. Над моими пальцами клубился ледяной дымок и оба, как по команде, уставились на меня.

Ну, по крайней мере перестали мериться хвостами, и то ладно.

— Бен, оставь нас, пожалуйста, — попросила я. — Прошу тебя, потому что в случае ферна Ландерстерга моя просьба

обречена.

— Я принесу Гринни, — говорит он. — Она здесь. Двумя этажами ниже.

Проходит мимо Торна, и, когда дверь за ним закрывается, Его ледяное единовластие шагает ко мне.

— Сегодня ты первый и последний раз возражала мне в присутствии кого бы то ни было, Лаура.

— Правда? — интересуюсь я, падая в ледяное небо этих глаз. — А что еще я сегодня делала в последний раз? И... ой, погоди, разве это было в первый?

Он прищуривается, а я продолжаю:

— Давай сразу рассадим всех драконов по вершинам. Я возвращаюсь с тобой по своей воле, но ты больше не станешь диктовать мне условия. Мне нужно, чтобы ты понимал, что я еду с тобой исключительно ради моей девочки. Ради ее безопасности, ради того, чтобы она родилась здоровой. Но это не значит, что я стану общаться с тобой или каким-то образом тебе подчиняться. Свою власть надо мной ты потерял в тот день, когда отказался меня слушать и со мной говорить.

— Все сказала? — по-прежнему холодно уточнил он.

— Пока — все.

— Хорошо. Потому что я забираю тебя исключительно ради безопасности своего первенца, Лаура. У меня нет ни малейшего желания управлять твоей жизнью или мешать тебе портить ее еще больше, как ты любишь это делать. Все, что мне от тебя нужно — чтобы ты родила. Здорового. Силь-

ного. Ребенка.

— Рожу, — спокойно ответила я. — Можешь не сомневаться.

— Замечательно.

— Но твоим он не будет. Точнее, твоей. Попытаешься отнять ее у меня, Торн Ландерстерг, очень сильно об этом пожалеешь. Я уже доказала, что не остановлюсь ни перед чем. И если мне потребуется защищаться, я сделаю все. Все, чтобы моя дочь осталась со мной.

— И как ты собираешься ее воспитывать? — Торн посмотрел на меня сверху вниз, привычно, но это больше не работало. То ли я подросла, то ли просто перестала воспринимать его как... как кого?

— Ты сам сказал: я неведома зверушка. Так что сил воспитать сильного ирлхененка у меня хватит, мне просто нужно найти хорошего наставника, не так ли? Кстати, надеюсь ты им меня обеспечишь. А еще достойным уровнем безопасности, которая у тебя хромает на обе лапы, и своевременной информацией, которая будет касаться меня и моей семьи. На таких условиях я согласна вернуться в Ферверн по своей воле. В противном случае, у меня есть еще полчаса, чтобы записать видеообращение о том, как Первый Дракон Ферверна заботится о своем первенце.

— Угроз я выслушал на целую жизнь вперед.

— Это не угрозы, а условия нашего взаимовыгодного сотрудничества. Пункты договора, если пожелаешь, в любом

договоре есть санкции.

— Справедливо. В таком случае, вот мои: ты будешь выполнять все предписания моих медиков и моей службы безопасности. Показывать свой характер будешь исключительно при личных беседах — не переживай, их будет не так много. В случае нарушения первых пунктов я действительно посажу тебя в исследовательский центр и попрошу свою пресс-службу рассказать о том, почему я это сделал. В случае нарушения последнего, я надену на тебя таэрран.

— Ферверн всегда был противником таэрран, — хмыкнула я.

— Историю ты знаешь хорошо, я в курсе. Но перемены неизбежны, Лаура Фил. Искренне надеюсь, что мы друг друга поняли, и... — он бросил взгляд на часы на запястье. — У тебя осталось двадцать семь минут и тридцать одна секунда, чтобы собраться. Эстфардхара к тебе больше не пустят, так что ты допустила ошибку, когда с ним не попрощалась.

Я прикрыла глаза, чтобы не сказать лишнего.

— Ты не посадишь меня в тюрьму. И не станешь выбирать, с кем мне общаться!

— В тюрьму? Ну что ты, Лаура, — он покачал головой. — Я как никто забочусь о твоей безопасности и сохранности твоего здоровья. Как думаешь, встреча с агентом вражеской разведки попадает в список допустимых для этого мероприятий?

Его зрачок дернулся, и пламя снова кольнуло в ладони.

Кольнуло неправильно, словно безумно стремясь... слиться с его?!

— Я тебя ненавижу! — выдохнула я.

— Взаимно, ферна Хэдфенгер. Или Фил, признаться, мне это совершенно безразлично.

Он снова направился к дверям, а я подавила желание запустить в него снежком, развернулась и пошла переодеваться.

Это куда лучше, чем думать обо всяких ледяных.

Одежду мне, разумеется, принесли новую. Через пятнадцать минут из тех двадцати семи, которые выдали на сборы (оставшиеся от безрассудно — по мнению Торна — потраченного на Бена времени), и я, разумеется, ее не надела. Из принципа надела то платье, в котором летала в Зингспридскую пустошь, хотя и довольно смутно представляла себе, как пойду в этом самом платье по парковке Хайрмарга, и в легких летних туфлях тоже.

Если честно, мне было без разницы. Кто у нас там первое лицо Ферверна? Вот пусть и выкручивается, как хочет.

— Ты в этом поедешь? — в палату добавилось кондиционирования, когда Его ледяное величие заявилось в назначенное время.

— Да. Мне не хватило времени переодеться, Торн. Когда принесли новую одежду, я побоялась, что не уложусь в твой график.

— Того, что я заставляю тебя переодеваться в своем присутствии, ты не побоялась?

— Нет. Надо? — Я завела руки за спину, чтобы расстегнуть замок, и не без наслаждения отметила, как изменилось лицо дракона номер один.

— Мы опаздываем, — резко произнес он. После чего сдернул с пальто, которое доставили вместе со строгим костюмом, чехол, и завернул меня в его содержимое наподобие пледа. Была бы возможность, еще и пояс бы завязал, причем поверх, как в смиренной рубашке. Судя по выражению лица, ему этого безумно хотелось.

Хотелось, но не оставалось ничего другого, кроме как ждать, пока я застегиваю пуговицу за пуговицей.

— Сапоги, — скомандовали мне.

Я пожала плечами и принялась открывать коробку. Тоже очень медленно.

Сверху донеслось рычание, и рядом со мной склонилось Его иртышское драконобесподобие. Крышку от коробки постигла участь чехла, а вслед за ней улетели всякие уплотнители для носов и пяток, сохраняющие обуви форму.

— Вперед, — скомандовал Торн, вручая сапожки мне.

— Мне наклоняться сложно. Голова кружится, — сообщила я. — Поможешь?

И, невинно хлопнув глазами, протянула обувь ему. Второй раз за последние несколько минут лицо у него стало такое, словно он пытался понять, как это могло случиться с

ним.

— Нет? Ну тогда я сама. Сейчас, только в кресло сяду.

Кажется, я услышала натуральное рычание, ничем другим этот выдох просто не мог являться. У меня отобрали сапожки с таким видом, что я на миг с ними попрощалась. Сейчас превратятся в ледяные и развалятся у меня на глазах — а между прочим, дорогие были. От Эгго Хьюса.

— Ногу, — это было сказано таким тоном, что впору было за нее опасаться.

Тем не менее смотреть на Торна сверху вниз было неприлично, возможно, именно поэтому страх не шел. Зато шло что-то другое, когда его пальцы скользили по коже вслед за молнией. По коже, не прикрытой даже тонкой преградой чулок, от которых я в последнее время совсем отвыкла.

С кровати на нас с интересом взидала Гринни, которая решила поспать перед новым путешествием. Видимо, в последнее время она к ним настолько привыкла, что даже перестала переживать по этому поводу.

— Ай, — сказала я, когда Торн слишком резко дернул замок на сапоге.

Он поднял голову, и взгляд у него был просто убийственный.

— Я сейчас безумно чувствительная, — я глубоко вздохнула. — Судя по всему, беременность так сказывается.

Это был скрежет зубов дракона или просто под ботинки Торна на полу что-то попало, я так и не поняла. Когда вто-

рой сапог был застегнут, а дракон номер один поднялся, мне указали на дверь. Я попыталась было шагнуть к Гринни, но Торн преградил мне дорогу. Сам подхватил изрядно подросшего зверя на руки и на выходе сунул его в руки одному из мергхандаров.

— Осторожнее с ней, она кусается, — предупредила я.

Правда, судя по выражению гринниморды, все, что она сейчас хотела — спать. Убедившись, что нас с ней не разлучают, и что мергхандар движется в правильном направлении, то есть в ту же сторону, что и я, виари прикрыла глаза и положила на мергхандара хвост. В прямом и переносном смысле.

До самого флайса мы с Торном больше не разговаривали, и с нами тоже особо никто не разговаривал. Халлоран попрощаться не пожелал — видимо, не проникся моим выступлением по поводу его предложения, а Бен... Бена ко мне предсказуемо не пустили. Когда он принес Гринни, я успела только перехватить его взгляд, а потом просто закрыла дверь. Не сказать даже, что по чьему-то приказу, просто поняла, что так будет проще.

Нас связывало слишком много и в то же время абсолютно ничего, чтобы сейчас растягивать это прощание.

Парковка, на которую мы вышли, была накрыта защитным куполом. Никакого транспорта, кроме нашего и флайсов сопровождения, здесь не было. Вальцгарды стояли по периметру, пока мы всей крайне занимательной процессией

двигались к машинам.

Напоследок я обернулась — чтобы посмотреть на Мэйстон.

Так получилось, что этот город стал для меня своеобразным символом перерождения, и я пообещала себе и ему (мысленно), что обязательно вернусь сюда с Льдинкой, когда она чуть-чуть подрастет. Отметила разбросанные по воде острова, заполненные высотками, знаменитый на весь мир мост — кажется, он просто назывался Центральный, и высотку Лаувайс, аналог фервернской Айрлэнгер Харддарк, после чего шагнула к распахнутой двери флайса.

Торн сел следом за мной, и мы оказались друг напротив друга.

Как в старые-добрые времена.

Те времена действительно можно было назвать добрыми, а вот настоящие... пока что я не определилась, какую им придумать характеристику. Торн коснулся капли наушника, коротко ответил:

— Да, — и наш флайс плавно взмыл в воздух.

Я увидела, как по защитному куполу прошла рябь, и спустя минуту наш кордон был уже на Верхней аэромагистральной, специально расчищенной для нас.

Поскольку с городом я уже попрощалась, смотреть в окно больше не стала.

Достала мобильный и, смахнув сотню непринятых вызовов, открыла живую ленту. Помимо подсуетившихся репор-

теров, быстренько подхвативших эту тему по всему миру, мне писали самые обычные люди. В личку, под видео — люди из всех уголков мира, иногда скрытые за аватарками мультяшных героев или экзотических мест, иногда с фото крупным планом, иногда на фото держащие на руках своих детей — тем не менее все они выражали мне свою поддержку.

Двадцать две с половиной тысячи комментариев, число которых росло с каждой минутой.

«Мы с тобой!»

«Держись, Лаура!»

«Ничего не бойся!»

«Вот наблы! Ничего, на всех найдется управа!»

«Ты даже не представляешь, как я тебя понимаю. В свое время мой муж...»

— Довольна? — Ледяной голос вернул меня в реальность. Я неосознанно подняла голову, ударившись о холод в синих глазах. — Довольна тем, что ты устроила, Лаура?

— Что я устроила? — уточняю.

Хотя мне хочется спросить это совершенно иначе, сейчас не время. Не уверена, что когда-нибудь еще наступит такое время, и я буду спрашивать его о чем-то иначе.

— Это шоу, — он кивает на мой смартфон.

— Это не шоу, это самозащита, — говорю я. — Должна же я была найти хоть кого-то, кто действительно готов меня защищать, при этом не используя в своих целях. Сейчас их...

Я смотрю на стремительно растущую цифру комментариев.

— Уже двадцать семь тысяч. Двадцать семь тысяч человек, которым совершенно ничего от меня не нужно, и которые выражают мне свою поддержку. Просто так.

Торн прищуривается.

— По-твоему, это игрушки, Лаура?

— Моя жизнь? Жизнь моей дочери? Определенно нет, — по ощущениям, мой взгляд сейчас холоднее его. — А теперь, если не возражаешь, я бы хотела минут пять посидеть в тишине и с закрытыми глазами.

Разумеется, я вру, но вру достаточно убедительно. Убедительно для того, чтобы закончить этот разговор, а самой не сорваться в совершенно бессмысленные упреки. Вроде тех, что «Какого набла я должна была бегать по странам от отца своего ребенка?!» — или — «Почему когда ко мне в квартиру завалились вооруженные до зубов убийцы, ты ходил под ручку со своей Солливер?!»

Проблема в том, что она действительно его Солливер, а я — больше не его Лаура. Деловое соглашение, которое между нами, держится на хрупкой замерзшей ниточке, и в моих же интересах, чтобы эта ниточка дожила до рождения Льдинки. Потом, думаю, будет не легче, но потом я хотя бы буду спокойна, что мои чувства никак не повлияют на нее. Сейчас я не могу себе позволять никаких эмоциональных всплесков, потому что отвечаю не только за себя, но и за свою кроху.

У меня почему-то холодные руки, но я подавляю желание спрятать их в карманы пальто, равно как и обхватить себя руками тоже. Это такие беззащитные жесты, а ему я свою беззащитность показывать не собираюсь.

— Лаура, — слышу его голос.

— Что?! — это получается резче, чем я рассчитывала.

— Я не хочу быть тебе врагом.

Нет, ну это уже слишком.

— Не хочешь — не будь, — отрезаю я и снова закрываю глаза.

К счастью для всех, больше он разговаривать не пытается, а я справляюсь с нахлынувшими на меня чувствами гораздо быстрее, чем сделала бы это раньше. Возможно, мне это только кажется, но когда мы подлетаем к Мэйстон-телепорт, меня уже не трясет от непролитых слез и желания высказать ему все.

ВИП-парковка, разумеется, свободна от журналистов, но не здание, в которое мы заходим. Здесь тоже кордон вальцгардов, через которые не пробиться, но это не мешает особо активным кричать из-за спин военных:

— Ферн Ландерстерг, как вы можете прокомментировать видео?!

— Лаура! Всего один вопрос!

— Вы уезжаете по своей воле?!

— Что вы можете сказать...

— Лаура!

Мне кажется, что это никогда не закончится, но благодаря совместным усилиям вальцгардов и мергхандаров, а еще, разумеется, особому, короткому коридору для VIP-персон, мы оказываемся в закрытом холле очень быстро, оставив за собой и волну журналистов, и глазающую на нас со всех ярусов огромного пассажирского зала толпу.

Сотрудница Мэйстон-телепорт, в темно-зеленой форме и белой блузке, с оранжевым шейным платком, вежливо улыбается:

— Ферн Ландерстерг, добро пожаловать на частный рейс. Ферна Фил.

Я смотрю на надпись за ее спиной, и меня чуть не пробивает на смех.

«Зал номер один».

Смех я вовремя сдерживаю, потому что понимаю, что это будет больше напоминать нервное хихиканье. Внутри зала мягкие удобные диванчики, зона, где я могу съесть все, что может влезть, а заодно посмотреть визор, чтобы скоротать время, пока ожидаем перехода. Стоит мне поднять глаза, как я тут же понимаю, что там показывают нас, идущих сквозь толпу. Сотрудница телепорта оказывается понимающей и быстро переключает на музыкальный канал.

Тут уже впору хвататься за голову, потому что на экране — клип Сибриллы Ритхарсон на ее наблову новую песню, которую она исполняла у нас на вроде как помолвке. На Торна я принципиально не смотрю, поэтому не знаю, как он ре-

агирует, сама же отворачиваюсь, беру тарелку с первой попавшейся на глаза выпечкой и подхожу к окну.

Разве так все должно быть?

Разве я должна сейчас стоять, не имея ни возможности, ни желания, прямо сказать обо всем, что меня тревожит?

Я оборачиваюсь и врезаюсь во взгляд Торна: он смотрит на меня.

— Мост свободен, — комментирует сотрудница телепорта, — можете проходить в зал перехода.

Мы проходим. Привычная процедура, когда нужно приложить ладонь к сканеру, чтобы получить допуск на переход, сопровождается комментарием Торна:

— Она беременна.

Это сказано таким тоном, что портпроводник слегка бледнеет и смотрит на сидящих за пультом управления телепортационным кольцом, как будто они могут ему помочь и спасти.

— Ферн Ландерстерг, беременность не является противопоказанием, — комментирует он. — Все показатели ферны Фил в норме.

— Руку, Лаура.

Я хотела сказать, что вполне могу пройти через телепорт сама, но передумала. Во-первых, у нас была договоренность, что я с ним не спорю на людях (и отнюдь не из-за таэрран, а из-за того, что выполнять условия соглашения должны оба), а во-вторых... я так и не придумала, что там во-вторых, по-

этому просто вложила руку ему в ладонь. Пальцы привычно кольнуло холодом, правда, на этот раз я не смогла понять чьим — моим или нашим со Льдинкой.

Это прикосновение на миг выдернуло меня в прошлое, когда его ладонь касалась моей, а наши пальцы сплетались. Поэтому телепортационный переход — ощущение, что ты в чем-то увязаешь, взлетаешь, а после тебя выплевывает с высоты, как-то прошло мимо. Я едва успела опомниться, когда осознала, что мы — в резиденции, и это, пожалуй, было все, что я успела.

Потому что дверь распахнулась, в зал влетела Солливер Ригхарн и со словами:

— Ох, Торн, я так волновалась, — бросилась ему на шею.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.